СОБЫТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

DOI: 10.12737/jflcl.2020.027

ГААГСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЯХ 2019 г.: ГЛОБАЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ГРАЖДАНСКИМ И ТОРГОВЫМ ДЕЛАМ (ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, СОСТОЯВШЕЙСЯ В ГОНКОНГЕ 9 СЕНТЯБРЯ 2019 г.)

БОРИСОВ Виталий Николаевич, научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Россия, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34

E-mail: pil@izak.ru

Обзор посвящен состоявшейся 9 сентября 2019 г. в Гонконге Первой всемирной конференции «Гаагская конвенция о судебных решениях 2019 г.: глобальное исполнение судебных решений по гражданским и торговым делам». В обзоре приводится оценка положений Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам 2019 г., отраженных в выступлениях докладчиков на Конференции. Отмечается значимость Конвенции для дальнейшего развития трансграничного оборота как важного этапа на пути к созданию предсказуемого и эффективного регулирования признания и исполнения иностранных судебных решений в мировом масштабе. По мнению принимавших участие в работе Конференции разработчиков Конвенции, она и сейчас, до вступления в силу, может влиять на практику признания и исполнения иностранных судебных решений разных стран в качестве стандарта, отражающего современный уровень правового регулирования. Подчеркивается важность для России обсуждения вопроса о возможном участии в Конвенции, поскольку в нашей стране признание и исполнение иностранных судебных решений допускается лишь при наличии международного договора, предусматривающего такое признание и исполнение.

Ключевые слова: Гаагская конвенция о судебных решениях 2019 г., признание и исполнение иностранных судебных решений, международный гражданский процесс.

Для цитирования: Борисов В. Н. Гаагская конвенция о судебных решениях 2019 г.: глобальное признание и исполнение судебных решений по гражданским и торговым делам (обзор Международной конференции, состоявшейся в Гонконге 9 сентября 2019 г.) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 3. С. 166—172. DOI: 10.12737/jflcl.2020.027

2019 HAGUE JUDJMENTS CONVENTION: GLOBAL RECOGNITION AND ENFORCEMENT OF CIVIL AND COMMERCIAL JUDGMENTS (REVIEW OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE HELD IN HONG KONG ON SEPTEMBER 9, 2019)

V. N. BORISOV, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow 117218, Russian Federation

E-mail: pil@izak.ru

The review is dedicated to the Inaugural Global Conference “2019 HCCH Judgments Convention: Global Enforcement of Civil and Commercial Judgments” held on September 9, 2019 in Hong Kong. The review provides an assessment of the provisions of the 2019 Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil or Commercial matters, reflected in the speeches of speakers at the Conference. The importance of the Convention for the further development of cross-border commerce as an important stage on the path to creating a predictable and effective regulation of the recognition and enforcement of foreign judgments on a global scale is noted. According to the developers of the Convention, who also took part in the work of the Conference, even now, before its entry into force, it can influence the practice of recognition and enforcement of foreign judgments of different countries as a standard reflecting the current level of legal regulation. The importance of discussing the issue of possible participation in the Convention for Russia is emphasized, since in our country the recognition and enforcement of foreign judgments is allowed only if there is an international agreement providing for such recognition and enforcement.

Keywords: 2019 Hague Judgments Convention, recognition and enforcement of foreign judgments, international civil procedure.

For citation: Borisov V. N. 2019 Hague Judjments Convention: Global Recognition and Enforcement of Civil and Commercial Judgments (Review of the International Conference Held in Hong Kong on September 9, 2019). *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2020, no. 3, pp. 166—172. DOI: 10.12737/jflcl.2020.027 (In Russ.)

9 сентября 2019 г. в Гонконге состоялась Первая всемирная конференция «Гаагская конвенция о судебных решениях 2019 г.: глобальное исполнение судебных решений по гражданским и торговым делам», посвященная чрезвычайно важному для развития международного правового сотрудничества событию — принятию 2 июля 2019 г. Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам (далее — Конвенция).

Конвенция призвана путем установления унифицированного свода правил создать эффективный и предсказуемый международно-правовой режим доступа физических и юридических лиц к государственному правосудию и последующего исполнения вынесенных судебных решений в государствах-участниках. Правила Конвенции должны способствовать эффективному признанию и исполнению иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам. Конвенция во многом следует своей предшественнице — Гаагской конвенции о соглашениях о выборе суда от 30 июня 2005 г. (далее — Конвенция 2005 г.), носит универсальный характер как по потенциальному охвату договаривающихся государств, так и по предметной сфере применения. Она ставит цель повысить привлекательность государственного правосудия по сравнению с международным коммерческим арбитражем путем усиления перспектив исполнения решений государственных судов за границей.

Действие Конвенции ограничено рассмотрением признания и исполнения судебных решений по гражданским и торговым делам. Она неприменима к налоговым, таможенным, административным делам, к решениям арбитражных (третейских) судов, а также к решениям по ряду категорий дел, указанных в Конвенции (вопросы семейного права, включая алиментные обязательства, наследование, перевозка грузов и пассажиров, вопросы несостоятельности, ответственности за ядерный ущерб, ликвидации юридических лиц, интеллектуальной собственности и т. д.). Перечень исключений из сферы действия Конвенции во многом совпадает с аналогичным перечнем, содержащимся в Конвенции 2005 г.

Различия во внутреннем законодательстве отдельных стран, регулирующем основания, условия и порядок признания и исполнения иностранных судебных решений, потребовали значительных усилий по согласованию позиций — работа над Конвенцией продолжалась несколько лет. Специальной комиссией, созданной в 2016 г., был подготовлен проект конвенции, который впоследствии не один раз пересматривался с учетом всестороннего обсуждения и в конечном счете лег в основу принятой в 2019 г. Конвенции.

На проведенной в Гонконге Конференции, целью которой было довести до сведения юридической общественности основные положения Конвенции, выступили представители разных стран, в том числе ее разработчики, обратившие внимание на ряд норм Конвенции, требующих уяснения и единообразного толкования.

Конференция работала в четырех направлениях: помимо первой Секции, в рамках которой рассматривались общие вопросы действия Конвенции, обсуждались также вопросы, относящиеся к сфере ее действия (вторая Секция), основаниям для отказа в признании и исполнении (третья Секция). В рамках четвертой Секции обсуждались в основном преимущества, которые дает применение Конвенции при осуществлении внешнеторговой деятельности.

Выступивший на **первой Секции** *Андреас Штайн* (заместитель председателя 22-й Дипломатической сессии Гаагской конференции по международному частному праву, глава Департамента по гражданскому судопроизводству Генерального директората по вопросам справедливости и защите потребителей Европейской комиссии, Германия) подчеркнул, что Конвенция, создающая механизм предсказуемого трансграничного оборота судебных решений по гражданским и торговым делам, по существу является продолжением Конвенции 2005 г., которая предусматривает режим признания и исполнения судебных решений, вынесенных судом, о компетенции которого стороны договорились в своем соглашении о выборе суда. Он отметил, что Конвенция обеспечивает изначальную предсказуемость в оценке перспектив исполнения. Заинтересованная сторона уже при подаче заявления в суд получит возможность оценить критерии компетенции суда и сопоставить их с заранее известными правилами о косвенной компетенции, которые необходимо будет соблюдать при признании и исполнении решения. Совершенствование практического доступа к правосудию особенно коснется споров с небольшой ценой иска. Конвенция, как подчеркнул докладчик, является краеугольным камнем сотрудничества судов договаривающихся государств по вопросам, связанным с разрешением трансграничных споров. Она призвана содействовать торговле и инвестициям, а также стимулировать экономический рост путем повышения правовой определенности, снижения затрат и преодоления неопределенностей, связанных с трансграничными операциями, а также с разрешением трансграничных споров.

Представители Уругвая (*Маркос Дотта Салгейро*, заместитель председателя 22-й Дипломатической сессии Гаагской конференции по международному частному праву, заместитель директора по вопросам международного права Министерства иностранных дел Уругвая), Китая (*Сан Чаофей*, заместитель директора договорно-правового департамента Министерства иностранных дел КНР), Бразилии (*Марсело де Нарди*, федеральный судья, профессор по международному частному праву и праву международной торговли Университета Вале до Рио Дос Синос) подчеркнули, что Конвенция будет способствовать реализации поставленных целей посредством содействия распространению своего действия на возможно более широкий круг судебных решений, к которым будет применяться Конвенция, при условиях: соблюдения определенных гарантий; сокращения потребности в дублирующих процедурах в двух или нескольких договаривающихся государствах; сокращения расходов и сроков, связанных с реализацией решения не территории другого государства; повышения для коммерческих предприятий и физических лиц предсказуемости в отношении условий, при которых судебные решения будут признаваться в других договаривающихся государствах; предоставления истцам возможности сделать более осознанный выбор места возбуждения дела с учетом возможности приведения вынесенного решения в исполнение в других договаривающихся государствах. Выступавшие выразили надежду на вступление Конвенции в силу в 2025 г. (Марсело де Нарди) или даже в 2021—2022 гг. (Маркос Дотта Салгейро).

Сан Чаофей, отмечая преимущества Конвенции, назвал в их числе предсказуемость, прогрессивность (новизну) и гибкость регулирования.

Определенность, четкость регулирования в Конвенции признания решений, что очень важно для юристов-профессионалов, подчеркнул Марсело де Нарди. Он также отметил в качестве положительной черты регулирование Конвенцией помимо договорных и внедоговорных отношений.

Работа **второй Секции** была посвящена сфере применения Конвенции, т. е. кругу дел, решения по которым должны признаваться и исполняться в другом государстве на основании правил Конвенции. Выступивший на этой секции представитель Японии (*Кейсуке Такесита,* профессор Университета Хитоцубаси) рассмотрел общие принципы действия Конвенции и выделил два вида международных обязательств согласно Конвенции: признать и исполнить иностранное судебное решение (ст. 4(1)) и отказать в его признании и исполнении (ст. 6). Признанию подлежат решения по гражданским и торговым делам. Под судебным решением Конвенция понимает любое решение по существу, вынесенное судом, независимо от названия такого решения (в том числе постановление или приказ), а также определение судом (в том числе служащим суда) размера расходов или процессуальных издержек при условии, что такое определение относится к решению по существу спора, которое может быть признано или приведено в исполнение на основании Конвенции. Промежуточные постановления не рассматриваются как судебные решения. Остановившись на различиях в понимании сферы действия в Конвенции и в Конвенции 2005 г. (например, Конвенция 2005 г. не охватывает внедоговорные обязательства, тогда как Конвенция не включает их в список изъятий), выступавший особое внимание уделил вопросу об изъятиях, касающихся интеллектуальной собственности. В целом он рассматривал сферу действия Конвенции как «умеренную», оставляющую пространство для толкования.

Эмма Бургесс (старший юрист, советник отдела по гражданским и семейным делам Государственно-правового департамента Министерства юстиции Великобритании) посвятила выступление так называемому юрисдикционному фильтру (согласно Конвенции допускается признание и исполнение за границей только тех судебных решений, которые вынесены иностранным судом на основании указанных в Конвенции критериев юрисдикции). Рассматривая условия оборота (циркуляции) судебных решений, она прежде всего отметила, что согласно Конвенции это должно быть решение по гражданским или торговым делам, подпадающим под сферу действия Конвенции. Решение должно подлежать признанию и удовлетворять требованиям «юрисдикционного фильтра» (ст. 5 «Основания для признания и приведения в исполнение» и ст. 6 «Исключительные основания для признания и приведения в исполнение»). Должны также отсутствовать основания для отказа в признании и исполнении (ст. 7 Конвенции).

Учитывая ключевое значение установленных Конвенцией правил о юрисдикционном фильтре, которые ставят целью создание общего свода правил, служащего базой для определения «пригодности» решения для трансграничного оборота, Эмма Бургесс подвергла их детальному анализу. Она отметила, что при формулировании этих правил принималась за основу определенная связь с государством суда, вынесшего решение. Существенно, что регулирование в Конвенции касается только косвенной компетенции суда: компетенция разграничена не прямо, а путем установления правил компетенции, применяемых при признании иностранных судебных решений. Прямое регулирование компетенции в Конвенции отсутствует. Соблюдение требований, предусмотренных в ст. 5 и 6 Конвенции, рассматривается как предварительное условие признания и исполнения решения. Эмма Бургесс подчеркнула, что условия, предусмотренные в п. 1 ст. 5 Конвенции, равнозначны, какая-либо иерархия отсутствует. Факт соблюдения необходимых условий (фильтров) устанавливается судом запрашиваемого государства. Ос-

нования определения судом, вынесшим в пределах своей компетенции подлежащее признанию и исполнению решение, не проверяются. Решение, прошедшее фильтр, в принципе подлежит обязательному признанию и исполнению при соблюдении других установленных Конвенцией правил, в частности в отношении возможности отказать в признании и исполнении на основании ст. 7 Конвенции.

Фильтры, установленные в ст. 5 Конвенции, применяются к любым решениям, подпадающим под действие Конвенции, независимо от категории гражданских дел. Но к решениям по некоторым категориям дел предъявляются с точки зрения фильтра особые требования, с учетом связи иска с государством происхождения. Например, в ст. 5 (1)(g) предусмотрено, что суд, вынесший решение, рассматривается как компетентный, если предметом судебного решения является договорное обязательство и решение вынесено судом государства, в котором исполнение данного обязательства имело место или должно иметь место в соответствии с соглашением сторон или в соответствии с правом, подлежащим применению к договору при отсутствии согласованного места исполнения.

Исключительные основания для признания и приведения в исполнение установлены в отношении судебных решений, вынесенных по вопросам вещных прав на недвижимое имущество: они подлежат признанию и приведению в исполнение исключительно в том случае, если данное имущество расположено на территории государства происхождения (ст. 6 Конвенции). Это абсолютное правило, имеющее исключительный характер. Конвенция не ограничивает признание и исполнение национальным правом, т. е. оставляет национальному законодательству право обеспечивать более широкое признание и исполнение решений сверх правил Конвенции (ст. 15), однако это правило должно соответствовать норме об исключительной компетенции (ст. 6). Универсальность подобной исключительности в отношении недвижимости, отметила докладчик, для многих правовых систем не станет неожиданностью.

Соответствует принятому в мировой практике регулированию определение в Конвенции и таких общепринятых оснований признания и исполнения решений, как рассмотрение в качестве компетентного суда государства, где лицо, против которого испрашивается признание и приведение в исполнение, имело постоянное место жительства или местонахождение на тот момент, когда оно стало стороной разбирательства в суде происхождения. Юридическое лицо рассматривается как имеющее постоянное местонахождение в государстве: а) где находится его юридический адрес; б) в соответствии с правом которого оно было учреждено или образовано; в) где находится его центральный орган управления; г) где находится его основное место деятельности (п. 2 ст. 3 Конвенции).

В качестве условий, с соблюдением которых Конвенция связывает признание и приведение в исполнение судебного решения, в числе других указываются следующие: физическое лицо, против которого испрашивается признание или приведение в исполнение, имело основное место бизнеса в государстве происхождения на момент, когда такое лицо стало стороной разбирательства в суде происхождения, и при этом иск, по которому было вынесено решение, был подан в связи с осуществлением такого бизнеса (ст. 5 (1)(b)); ответчик имел филиал, агентство или иное подразделение, не имеющее статуса юридического лица в государстве происхождения на момент, когда такое лицо стало стороной разбирательства в суде происхождения, и иск, по которому вынесено решение, был подан в связи с деятельностью данного филиала, агентства или подразделения (ст. 5 (1)(d)); ответчик явно выразил согласие на юрисдикцию суда происхождения в ходе судебного разбирательства, в котором было вынесено решение (ст. 5 (1)(e)); предметом судебного решения является аренда недвижимого имущества, и оно вынесено судом государства, в котором находится имущество (ст. 5 (1)(h)); судебное решение вынесено против ответчика в отношении договорного обязательства, обеспеченного вещным правом в отношении недвижимого имущества, находящегося в государстве происхождения, если договорное требование было предъявлено к тому же ответчику вместе с требованием, касающимся такого вещного права (ст. 5 (1)(i)); судебное решение вынесено на основании внедоговорного обязательства, возникшего в связи со смертью, телесными повреждениями, ущербом, причиненным материальному имуществу, или утратой его, а также в отношении происшедших в государстве происхождения действий или бездействия, которые непосредственно причинили вред, независимо от того, где был причинен такой вред (ст. 5 (1)(j)).

В Конвенции, как отметила Эмма Бургесс, особое внимание уделено ситуациям, требующим защиты «слабой стороны». Этим вопросам в Конвенции посвящен п. 2 ст. 5: в случаях, когда испрашивается признание и приведение в исполнение против физического лица, действующего прежде всего в личных, семейных или бытовых целях (потребитель) по вопросам, связанным с потребительским договором, или против работника по вопросам, связанным с трудовым договором работника, Конвенция предусматривает некоторые послабления в отношении компетентности иностранного суда (некоторые требования к компетенции снижаются). Это касается также вопросов, относящихся к договорам аренды жилой недвижимости (найма) или регистрации недвижимого имущества. Судебное решение по таким делам может признаваться и приводиться в исполнение только в том случае, если оно было вынесено судом государства, где находится данное имущество (п. 2, 3

ст. 5). В отличие от ст. 6 («Исключительные основания для признания и приведения в исполнение») это правило не перекрывает правило о признании и исполнении решения по национальному праву в соответствии со ст. 15 Конвенции.

Докладчик подробно остановилась и на вопросе о соотношении Конвенции с подходами, принятыми в странах общего права.

Кара Норс (консультант Леви Кауфманн-Колер, Женева, Швейцария) посвятила выступление сопоставлению Конвенции с Конвенцией 2005 г. Она выделила три базовых правила Конвенции 2005 г.: спор должен быть рассмотрен избранным в соответствии со ст. 5 судом; любой другой суд должен отказать в рассмотрении дела (ст. 6); решение избранного суда подлежит признанию и исполнению в других государствах (ст. 8).

Сходство Конвенции 2005 г. с Конвенцией 2019 г. выражается, по ее мнению, в следующем: цели, изложенные в преамбуле; сходные исключения из сферы действия (ст. 1 и 2); определение понятий (ст. 4 Конвенции 2005 г. и ст. 3 Конвенции 2019 г.); сходные основания для отказа в признании (ст. 9 Конвенции 2005 г. и ст. 7 Конвенции 2019 г.); архитектура и положения, касающиеся процесса признания и исполнения (гл. 3 Конвенции 2005 г. и глава 2 Конвенции 2019 г.); исключение из сферы действия промежуточных мер защиты (ст. 7 Конвенции 2005 г. и ст. 3 (1)(b) Конвенции 2019 г.).

В докладе было обращено внимание и на отличия этих двух международных документов. Так, Конвенция 2019 г. не содержит прямых норм о компетенции, тогда как Конвенция 2005 г. их содержит; в Конвенции 2005 г. речь идет об исключительных соглашениях о выборе суда, тогда как в Конвенции 2019 г. — о решениях, вынесенных в соответствии с неисключительными соглашениями о выборе суда и нормами Конвенции о косвенной компетенции.

Применительно к соглашению о выборе суда, рассматриваемому в Конвенции, докладчик выделила два ключевых положения: юрисдикционный фильтр (ст. 5 (1)(m)) и наличие оснований для отказа в признании (ст. 7 (1)(d)).

Были также проанализированы рассмотренные в ст. 23 вопросы соотношения Конвенции и других международных договоров. В этой статье, в частности, указано, что Конвенция не должна затрагивать применение международного договора, заключенного ранее, а также применение договаривающимся государством международного договора, заключенного после Конвенции в отношении признания или приведения в исполнение решения, принятого судом договаривающегося государства, которое также является Стороной такого договора. Ничто в другом международном договоре не должно затрагивать обязательства по ст. 6 в отношении договаривающихся государств, которые не являются Сторонами такого договора.

В заключение Кара Норс еще раз подчеркнула важность принятия Конвенции для международной торговли, особенно для таких конкретных ее сфер, как банковская и финансовая деятельность.

На заседании **третьей Секции**, где обсуждались основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений, включая оговорку о публичном порядке, выступили представители Дании (*Питер Арнт Нильсен*, профессор Копенгагенской школы бизнеса), Южной Кореи (*Джунхуок Ян*, профессор юридического факультета Университета Сунгкьюнкван, Республика Корея) и Макао (*Кристина Ферейра*, начальник Департамента международного и межрегионального права Бюро по правовым вопросам Правительства Макао). Они рассматривали положения Конвенции, имеющие особое практическое значение.

Питер Арнт Нильсен подчеркнул важность уведомления, так как невыполнение этого требования может повлечь отказ в признании и приведении в исполнение решения в соответствии со ст. 7 (1)(a) Конвенции). Такое уведомление существенно с позиции соблюдения как прав ответчика, так и прав запрашиваемого государства.

В Конвенции установлено (ст. 7 (1)(a)(I)), что в признании и приведении в исполнение может быть отказано, если документ, на основании которого начато судебное разбирательство, или подобный ему документ, в том числе заявление с указанием основных элементов иска, не был доведен до сведения ответчика в достаточные сроки и таким способом, чтобы у ответчика была возможность подготовиться к защите, за исключением случаев, если ответчик явился и представил свою позицию по делу без оспаривания процедуры уведомления в суде происхождения (при условии, что право государства происхождения позволяет оспорить уведомление).

Сопоставив ст. 7 Конвенции с регулированием в Конвенции 2005 г. (ст. 9 (c)(i)) и в Регламенте Брюссель I (ст. 45 (1)(b)), докладчик обратился к оценке уведомления с позиции соблюдения прав запрашиваемого государства. Согласно ст. 7 (1)(a)(ii) Конвенции в признании и приведении в исполнение судебного решения может быть отказано, если названный документ был доведен до сведения ответчика в запрашиваемом государстве способом, не совместимым с фундаментальными принципами запрашиваемого государства в отношении вручения документов. Подобное правило есть и в Конвенции 2005 г.

Докладчик последовательно проанализировал все шесть предусмотренных Конвенцией оснований для отказа в признании и приведении в исполнение. Относительно оговорки о публичном порядке (ст. 7 (1)(c)) он отметил, что отказ в признании по этому основанию возможен в случае, если признание или испол-

нение судебного решения будет явно противоречить публичному порядку запрашиваемого государства, включая ситуации, когда определенные процедуры, предшествовавшие вынесению судебного решения, были несовместимы с фундаментальными принципами процессуальной справедливости такого государства или когда речь шла об угрозе безопасности и суверенитету такого государства.

Было рассмотрено также такое основание отказа, как вынесение иностранного судебного решения, не совместимого с решением, вынесенным судом запрашиваемого государства по спору между теми же сторонами, или судебного решения, не совместимого с ранее вынесенным судом другого государства решением между теми же сторонами и по тому же предмету, при условии, что такое более раннее решение отвечает требованиям признания его в запрашиваемом государстве.

На конференции были затронуты и вопросы взаимозависимости судебных процессов по конкретному делу, ведущихся в разных государствах (lis alibi pendens).

Докладчик отметил, что нормы ст. 7 Конвенции в целом соответствуют регулированию, содержащемуся в Конвенции 2005 г. и в Регламенте Брюссель I. Он подчеркнул, что при толковании Конвенции должен учитываться ее международный характер, а также необходимость обеспечения единообразия ее применения (ст. 20).

В заключение сделан вывод, что Конвенция вместе с Конвенцией 2005 г. представляют собой общий механизм регулирования, сравнимый с регулированием Нью-Йоркской конвенции 1958 г. в отношении арбитража.

Рассматривая разные аспекты применения оговорки о публичном порядке (ст. 7 (1)(c)), Джунхуок Ян отметил различия в понимании оговорки о публичном порядке в материальном и процессуальном праве. Кристина Ферейра остановилась на особенностях применения норм Конвенции об отказе в признании иностранных судебных решений в Макао с учетом особого статуса этого административного района.

Четвертая Секция сосредоточила работу на выявлении преимуществ Конвенции по сравнению с другими международными документами при регулировании признания и исполнения иностранных судебных решений.

Томас Со (партнер юридической фирмы «Майер Браун», Гонконг) подчеркнул, что Конвенция улучшает взаимодействие между судами запрашивающего и запрашиваемого государств; устанавливает правила компетенции судов, выносящих решение, которые должны учитываться судами места признания решения (косвенная компетенция); определяет, что при признании и исполнении решения оно не пересматривается по существу; устанавливает основания для отказа в признании и исполнении. В качестве преимущества выступавший указал на гибкость регулирования в Конвенции признания и исполнения судебных решений (ст. 9, 11).

Нинг Жао (старший юрист Гаагской конференции по международному частному праву, Нидерланды) отметила удачно соблюденный в Конвенции баланс между гибкостью и четкостью (конкретностью) регулирования. Она также остановилась на вопросах соотношения Конвенции с действующими ныне международными договорами и другими международными документами. Выполнение поставленных в Конвенции задач по предоставлению эффективного доступа к правосудию и упрощению многосторонней торговли и инвестиций, а также мобильности, по мнению Нинг Жао, обеспечивается в Конвенции путем включения в нее норм, направленных на вынесение обоснованных судебных решений, сокращение количества повторных решений, снижение судебных расходов и сроков рассмотрения дел.

Марсело де Нарди проанализировал положения Конвенции, направленные на защиту прав потребителя и работника (п. 2 ст. 5). В частности, он обратил внимание на вопрос: позволит ли признание и приведение в исполнение иностранного судебного решения на основании национального права (ст. 15 Конвенции) признавать и исполнять иностранные судебные решения, вынесенные против потребителя или работника? Докладчик оставил этот вопрос открытым. Конвенция, видимо, этому не препятствует.

Все участники Конференции отмечали значимость Конвенции для дальнейшего развития трансграничного оборота, рассматривали ее как важный этап на пути к созданию предсказуемого и эффективного регулирования признания и исполнения иностранных судебных решений в мировом масштабе. Конвенция и сейчас, до вступления в силу, может влиять на практику признания и исполнения иностранных судебных решений разных стран в качестве стандарта, отражающего современный уровень правового регулирования.

Для России обсуждение вопроса о возможном участии в Конвенции представляется особенно важным и потому, что в нашей стране признание и исполнение иностранных судебных решений допускается лишь при наличии международного договора, предусматривающего такое признание и исполнение. Это вытекает из Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», а также ст. 409 ГПК РФ и ст. 241 АПК РФ. Участие в Конвенции обеспечило бы исполнение решений, вынесенных российскими судами, в других участвующих в Конвенции государствах. В настоящее время взаимное признание и исполнение судебных решений имеет место прежде всего в отношениях России со странами ближнего зарубежья. Так, в отношениях со странами СНГ

действует Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. и Киевское соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности 1992 г., а также двусторонние соглашения о правовой помощи. Такие двусторонние договоры, предусматривающие, в частности, взаимное признание и исполнение судебных решений, действуют и в отношениях России с рядом других стран — Италией, Испанией, Польшей, Вьетнамом, Китаем. Алжиром, Тунисом, Ираном и др. В то же время у России нет международных договоров о признании и исполнении судебных решений с Великобританией, Германией, Францией, США. Между тем трансграничное действие судебных решений применительно к этим странам отвечало бы интересам граждан и юридических лиц и способствовало бы развитию международного правового сотрудничества с этими государствами. Российские участники споров получили бы возможность ставить вопрос об исполнении за границей вынесенных российскими судами в их пользу решений (в настоящее время далеко не все государства исполняют иностранные судебные решения при отсутствии международного договора).

Вместе с тем нельзя не учитывать соотношение действия правил Конвенции и внутреннего российского законодательства. Участие России в Конвенции возможно лишь при отсутствии противоречия российскому законодательству. С этой точки зрения необходим тщательный анализ всех положений Конвенции в сопоставлении с нормами российского законодательства. Определение пределов компетенции российских судов по гражданским делам, основных условий признания и исполнения иностранных судебных решений, предусмотренное в российском законодательстве, в принципе соответствует подходам, принятым в Конвенции.